

— Но ты права, мы всё же одна семья, и я не могу совсем ничего не сделать. У меня нет ни сил, ни денег, но должен же я хоть что-то сделать, — вдруг изменил тон Цзи Жань.

Гао Хуэй загорелась надеждой, решив, что цель достигнута. Однако он продолжил:

— Я знаю, что на задней горе много лекарственных трав. Я в них немного разбираюсь, так что пойду покопаю. Но лечение травм — дело серьёзное, его нельзя откладывать. Невестка, тебе лучше побыстрее отвезти третьего брата в городскую лечебницу. Мои травы в сравнении с настоящим врачом — всего лишь полумера.

Эти слова заставили Гао Хуэй остолбенеть. Она вытаращила глаза, не находя слов — и от злости, и от потрясения. Она истощила весь запас красноречия, но не ожидала, что Цзи Жань окажется таким непробиваемым.

Цзи Жань сделал вид, что не замечает её реакции, и с озабоченным видом побежал в боковую комнату, чтобы взять корзину, а в руке уже держал другую.

— Возвращайся-ка поскорее, невестка, а я пойду на гору за травами. Эту корзину я раньше у соседа одолжил, как раз верну.

В огромной семье Лу почему Цзи Жаню, как члену семьи, приходится одалживать корзину у соседей? Слова его звучали обыденно, но Гао Хуэй, разжевав их, почувствовала, что он нарочно её унижает.

Однако, не сдержав она сейчас гнев, ничем бы не отличалась от остальных Лу. Поэтому, глубоко вздохнув, она вновь изобразила на лице скорбную улыбку.

— Цзи Жань, я знаю, тебе непросто, и понимаю, что не стоило к тебе обращаться, но у меня просто не было выхода, — Гао Хуэй, притворяясь смущённой, поправила прядь волос у виска, обнажив сине-багровое опухшее лицо. — Говоря это, ты, наверное, расстроишься, но, честно признаться, я знала, что ты сегодня ходил на рынок продавать вещи, и думала, что у тебя может быть хоть немного денег. Вот и пришла с такой просьбой.

Подтекст был ясен: она знала, что деньги у него есть.

Цзи Жань, конечно, заметил её мелкую игру. Не подав виду, он лишь слегка приподнял бровь и, потирая свой собственный распухший уголок рта, нарочно всхлипнул.

Гао Хуэй, увидев его жест, лишь промолчала и продолжила лить слёзы.

Цзи Жань, глядя на её упорство, вдруг почувствовал, что ему смешно. Если раньше он искренне благодарил Гао Хуэй за заступничество и думал как-нибудь потихоньку отплатить ей, то теперь понял, что был наивен.

Гао Хуэй вовсе не помогала ему — она просто разглядела в нём перспективную «акцию» и действовала на опережение. Впрочем, по мнению Цзи Жана, в этом не было ничего дурного — кто не ищет выгоды? Но Гао Хуэй погубила собственная спешка. Она сделала хороший ход, но испортила всю партию. Когда твоя благодарность оказывается лишь чьим-то расчётом, она ничего не стоит. Это как обокрасть человека, а потом ждать, чтобы он сам подсчитал убытки!

— Что ты, невестка, я же говорю — нищ и гол. Просто накопал диких овощей, продал на рынке. Выручки даже на самое необходимое не хватает, какие уж там лишние деньги? Я благодарен тебе за то, что из-за меня тебя побили, но нельзя же принуждать к отдаче долга, верно? — Цзи

Жань смотрел на Гао Хуэй с видом искреннего сожаления. — К тому же, третий брат хотел ударить меня, да сам пострадал. По сути, он сам виноват. Но я, ради тебя, не стал настаивать и даже собираюсь копать для него травы. Это всё, что я могу. Ты просишь слишком многого, это просто невыполнимо.

— Я...

Лицо Гао Хуэй позеленело, затем побелело. Она открыла рот, но не нашла, что ответить. Лишь теперь она поняла: Цзи Жань раскусил её замысел, и теперь она окончательно испортила с ним отношения. Впредь завоевать его расположение будет куда труднее.

Но, с другой стороны, её захлестнула ярость. Цзи Жань только что был на рынке — не может быть, чтобы у него совсем не было денег! Она унижалась и просила так долго, но не выпросила ни гроша. Какой же жмот! Её муж лежит при смерти, и всё из-за Цзи Жаня! Просто...

— Вижу, невестка не нуждается в моих травах. Что ж, я только что пережил потрясение и ещё не отошёл, не буду навязываться, — Цзи Жань поставил корзину на землю. — Третьему брату нужен уход, невестке не стоит тратить время здесь. Хотя вы и зовёте меня «старшей невесткой», я всё же мужчина. Увидит нас кто-нибудь — пойдут пересуды. Лучше избегать таких ситуаций.

Гао Хуэй, не добившись своего и получив вдобавок скрытые уколы, была в бешенстве. Унижаться дальше не имело смысла. С громким рыданием она, прикрыв лицо руками, выбежала прочь — будто Цзи Жань сделал с ней что-то ужасное.

— Чёрт возьми! Какая же коварная баба!

Цзи Жань смотрел ей вслед, чувствуя, как дёргается веко. Он уже собрался помрачнеть, как вдруг Лу Чжэнь резко развернул его к себе, обхватил голову и крепко поцеловал, утишая его раздражённое сердце.

Цзи Жань сначала в негодовании попытался вырваться, но постепенно сник, и Лу Чжэнь, подхватив его на руки, унёс во внутренние покои — предаваться утехам среди бела дня.

В тот миг, когда он, крича и теряя сознание, думал, что это и вправду отличный способ развеять тоску и снять напряжение, в голове у него проплыла мысль: наслаждение запредельное, да и для здоровья полезно.

Гао Хуэй, закрыв лицо, ворвалась в свой двор и тут же опустила руки. На её лице не было и следа слёз — лишь злость, искажившая черты почти до неузнаваемости.

Она была вне себя. Ворвавшись в дом, она тут же учинила трескотню — зазвучали удары и грохот падающих вещей, а затем её яростные крики.

— Ты только и можешь, что баб бить! Не смог стерпеть, как мать с братом унижают, и пошёл драться — так хоть бы в них попал! А то сам себя покалечил! Заступался за родителей с братьями — так теперь к ним и иди, денег на лечение проси! Чего лежишь тут, как дохляк? Ты их за людей считаешь, а они тебя за дерьмо! Сдохнешь — им и горя мало!

Затем снова раздался грохот.

— Убью тебя, треклятая! — взревел взбешённый Лу Чанцин. — Как ты смеешь так с мужем разговаривать? Ещё слово — выгоню в шею! Ты-то кто такая? Будь ты хоть наполовину умна,

как вторая невестка, жили бы мы по-другому!

Хотя усадьба и делилась на отдельные дворы, супруги не стали сдерживаться, и их перепалку было слышно по всему дому.

Цзи Жань, погружённый в глубокий сон, ничего не слышал. Лу Чжэнь же, полуобнажённый, возлежал на кровати, и угол его губ изогнулся в презрительной усмешке.

С наступлением ночи Лу Чжэнь, щёлкнув пальцами, вновь оказался одетым, вышел приготовить ужин, а вернувшись и увидев, что Цзи Жань всё ещё спит беспробудным сном, будить не стал. Разогрев еду на медленном огне, он бесшумно вышел за ворота.

Выйдя со двора, Лу Чжэнь сначала бросил взгляд в сторону дома Лу Чанцина, но не пошёл туда. Постояв с мгновение, он направился напрямик к дому Лу Чангэна.

Семья Лу Чангэна как раз вернулась с ужина у стариков. Он, налив себе две пяток домашней выпивки, сидел за столом, закусывая арахисом, а она рядом занималась шитьём, чиня детскую куртку. Дети носились вокруг стола, играя.

— С третьим братом сегодня и вправду что-то неладное случилось. Мы же все видели: он в того подлеца Цзи Жаня целился, а табуретка вдруг куда-то свернула да ему же по башке и прилетела.

Лу Чангэн словно не слышал бормотания Лэн Сянлянь, лишь глухо тянул выпивку.

— Лекарь Фань толковал, будто рану третьего брата надо в городской лечебнице лечить. Но ты же слышал, как они ругались — голоса-то какие громкие, не похоже, чтобы сильно страдал. Может, эта Гао Хуэй с лекарем сговорилась, чтобы с родителей последние гроши вытянуть?

Лу Чангэн по-прежнему молча пил, ко всему остальному глух и нем. Видно было, что настроение у него не ахти, но выпускать пар на жену он не собирался — привык всё в себе держать.

Он молчал, а Лэн Сянлянь не обращала внимания — за столько лет уже привыкла.

<http://bllate.org/book/16271/1464320>